

Шэнь Цинжань открыл интерфейс Системы и в колонке «Успешные результаты» увидел три ослепительно ярких уведомления.

«Рис, высокая урожайность, стабильное наследование признака. Урожайность: семьсот килограммов с му. Статус: успешно. Награда: десять тысяч баллов».

«Хлопок, устойчивость к вредителям, стабильное наследование признака. Урожайность: сто восемьдесят килограммов с му. Статус: успешно. Награда: двадцать тысяч баллов».

«Хлопок, устойчивость к болезням, стабильное наследование признака. Урожайность: двести килограммов с му. Статус: успешно. Награда: двадцать тысяч баллов».

Итоговый баланс: сто пятьдесят тысяч баллов.

Шэнь Цинжань крепко сжал свисток и про себя прочел каждую фразу по три раза, пытаясь докопаться до скрытого смысла. Боялся, что его опять оставят в дураках.

Он нахмурился. Очевидно, что урожайность этих успешно выведенных сортов по сравнению с современным миром была невысока и бесконечно далека от изначально поставленных целей.

Но это всё равно считалось успехом.

Вспомнив о главной задаче Селекционной станции, Шэнь Цинжаня внезапно осенило. Истинная цель станции — создание семян, способных стабильно передавать свои свойства из поколения в поколение. Поэтому, если урожайность была хотя бы приемлемой, а какое-то одно ценное преимущество стабильно наследовалось — цель считалась достигнутой.

Например, устойчивость хлопка к вредителям и к болезням вознаграждалась по отдельности. Нельзя стать толстяком с одного куска — сначала нужно добиться стабильного наследования, а уже потом понемногу наращивать урожайность.

Система соблазняла Шэнь Цинжаня стать тем самым «толстяком» и схватить всё и сразу, но другие системы не подкладывали своим подопечным такую свинью. Их носители чаще всего выбирали сорта, дающие семена для следующего посева. Во втором и третьем поколении их количество росло в геометрической прогрессии, за несколько лет площади посевов расширялись до ста миллионов му, и каждый год им начислялось по десять миллиардов баллов. Можно было лежать дома и пожинать плоды, а то, на что обменивались такие астрономические суммы, Шэнь Цинжаню, этому бедняку, и в страшном сне не приснилось бы. Некоторые менее удачливые носители могли за всю жизнь так и не вывести новый сорт, но даже просто накапливая баллы, достигали вершин жизни.

Что значит получать десять миллиардов баллов, просто лежа дома? Таким, как Шэнь Цинжань, из-за того, что гибридные семена нельзя было оставлять на развод, приходилось каждый год сеять новые семена своими руками. Да он и за восемь жизней столько не заработал бы!

Если бы Шэнь Цинжань узнал об этом раньше, он бы, без сомнения, поступил так же, как и все остальные. Он был слишком ленив и изнежен — с какой стати ему, рискуя жизнью, выбирать самый сложный путь?

Слава богу, у него в запасе оставалось еще три с половиной года. Подумаешь, придется всё начинать с нуля.

Шэнь Цинжань покопался в разделе риса и обнаружил, что урожайность сорта со стабильной

наследственностью составляет всего пятьсот килограммов с му — это лишь на двести килограммов больше местных сортов.

Все их грандиозные планы с Му Вэнькоу пошли прахом. Шэнь Цинжань судорожно вспомнил подписанный договор... Дело дрянь. Сюэ Фэйфэну, скорее всего, придется выплатить огромную неустойку. Он был слишком самоуверен, не стоило заключать сделку с Му Вэнькоу от лица их семьи. Но с другой стороны, без поручительства Сюэ Фэйфэна мастер Му и пальцем бы не пошевелил.

Как раз в тот момент, когда он лихорадочно соображал, как всё исправить, баланс баллов перед его глазами мигнул, и к сумме добавился ноль.

Полтора миллиона.

Система, наконец, подала голос. Механический тон не изменился, но в нем вдруг зазвучала небывалая скромность и серьезность:

— Кхм-кхм. Насчет этого можете не беспокоиться. В следующий раз вы сможете сразу использовать выведенный вами сорт с урожайностью семьсот килограммов.

— Приношу свои глубочайшие извинения, — торжественно покаялась Система.

Ее вызвали в штаб-квартиру, сделали строгий выговор и едва не переписали весь программный код. В качестве компенсации Шэнь Цинжаню Селекционная станция приписала ноль к его балансу баллов и подарила два права на безлимитный обмен. Рядом с цифрами баланса появились две иконки в виде механизмов.

— Что это значит? — Шэнь Цинжань выдвинул смелую гипотезу. — Я могу обменивать их на комбайн и сеялку?

Система ответила:

— Именно так. Ваши текущие баллы пока не достигают нижнего порога для обмена, поэтому Селекционная станция в знак искренних извинений дарит вам две бесплатные попытки. Надеемся, вы примете их.

Бывают же на свете такие чудеса! Шэнь Цинжань ликовал. Какие еще сокровища таились в тех разделах интерфейса, которые были скрыты от него из-за нищеты! Мысленно он уже потирал руки, но на лице сохранил абсолютную невозмутимость:

— Пять раз. На первый взгляд кажется, что ты отняла у меня всего один сезон, но в долгосрочной перспективе ты задолжала мне десять миллиардов.

Впрочем, Шэнь Цинжань понимал, что и сам отчасти виноват, поэтому не осмелился задирать цену до небес.

Система: «...» Возразить было нечего.

— По рукам.

Обрадованный Шэнь Цинжань тут же еще дважды дунул в свисток. Наверняка именно эта вещь принесла ему удачу. Какой же Сюэ Фэйфэн замечательный! Он будет дуть в него каждый день. Какая прекрасная мелодия, надо бы еще посвистеть.

Системе пришлось принудительно отключить свои рецепторы: звук был настолько пронзительно-ужасным, что создавал серьезные помехи в ее электромагнитных волнах.

Сжимая свисток в зубах, Шэнь Цинжань вышел из комнаты и увидел Чан Мина, который, склонившись над столом, что-то старательно выводил на бумаге. Он подошел поближе, заглянул через плечо и тут же выхватил у него кисть.

— Мы же договаривались: сообщать только хорошие новости! Зачем ты выдумываешь всякие ужасы, чтобы заставить вашего генерала понапрасну волноваться?!

Скомкав лист бумаги и отшвырнув его подальше, Шэнь Цинжань с сияющим видом заявил:

— Я в полном порядке, вам не о чем беспокоиться.

Впрочем, он слишком поторопился хвастаться. Когда Шэнь Цинжань заново распланировал участки и осознал, что ему предстоит засеять тысячу му рисом с чистого листа, он мгновенно сник. Самое печальное — Сюэ Фэйфэн не сможет сажать вместе с ним.

Шэнь Цинжань бессильно распластался на столе. Рис созревает в восьмом лунном месяце, так что у него есть еще три месяца на передышку. Посоветовавшись с Му Вэнькоу, они решили честно обо всем рассказать крестьянам, выплатить небольшую компенсацию и строго-настрого запретить использовать собранное зерно для повторного посева. Мастер Му был настроен еще более решительно и даже не хотел платить отступные, заявив, что это земли виллы «Тянься», и он волен приказывать сажать на них всё, что ему заблагорассудится.

Шэнь Цинжань с головой ушел в разведение лошадей. Когда этот табун будет готов, он потратит полмесяца на посадку риса, а потом во главе шести тысяч коней, груженных мешками с белоснежным зерном, отправится к Сюэ Фэйфэну.

Пань Юньси осталась на вилле, чтобы помочь ему сушить рыбу и засаливать утиные яйца. В ясные дни вся территория виллы «Тянься» была увешана гирляндами рыбы, нанизанной на веревки; она вялилась и источала жар под палящим июньским солнцем. Чаны с солеными утиными яйцами стояли рядами, заполнив до отказа несколько погребов. Изысканная летняя резиденция в мгновение ока превратилась в деревенское подворье. Му Вэнькоу брезгливо морщился, но всё равно, зажимая нос, неотступно следовал за Чан Суем.

Два маламута, воспользовавшись тем, что Шэнь Цинжань не обращал на них внимания, внезапно прониклись друг к другу симпатией, и вскоре самка уже носила щенков. Как только запрет на кормление, согласно которому кормить их мог только хозяин, был снят, самец каждый день бегал без устали, гонял кур и ловил рыбу по горам и рекам, а на закате, поджав хвост, возвращался.

Когда Пань Юньси собирала сушеную рыбу, он тайком утаскивал одну и нес в конуру, чтобы задобрить жену. Обитатели виллы обожали эту парочку, так что недостатка в еде у них на самом деле не было. Эта пугливая покорность перед женой — наверняка он перенял ее у генерала.

Даже собаки нашли свою пару! Шэнь Цинжань совершенно не желал смотреть на то, как эти два глупых пса демонстрируют свою любовь. Он похлопал по крупу монгольского коня: все они холостяки, да и сложены удивительно крепко. Обездчики, которых нашел Му Вэнькоу, в прошлом сами бывали на поле боя. Они знали, как воспитать выдающегося боевого коня — не пугливого, послушного, отважного и искусного в сражениях.

Письма на столе складывались во всё более высокую стопку. Шэнь Цинжань раздобыл сундук с замком, бережно сложил их туда и попросил дворецкого спрятать его в тайник вместе с купчими на земли виллы «Тянься». Ради сохранности.

Каждый раз, перечитывая эти письма, Шэнь Цинжань то плакал, то смеялся. Они с Сюэ Фэйфэном не сговариваясь умалчивали обо всех тяготах своей жизни, рассказывая лишь о хорошем, словно могли увидеться уже завтра. Но в конце каждого письма неизменно стояло: «Жань-Жань, я тоскую по тебе».

Шэнь Цинжань не стал рассказывать Сюэ Фэйфэну о том, как Система сыграла с ним злую шутку, боясь, что тот будет волноваться, и предпочел нести это бремя в одиночку. К тому же ему было просто стыдно: вдруг Сюэ Фэйфэн решит, что его жена — непроходимый глупец.

Наступил восьмой лунный месяц, в воздухе разлилось тонкое благоухание османтуса.

Шесть тысяч монгольских скакунов, могучих и статных, избавились от системных ограничений по возрасту. Шэнь Цинжань поручил объездчикам вывести их за пределы пастбища, чтобы они полмесяца тренировались на широких просторах. А самому ему в это время предстояло засеять тысячу му рисом — то есть восемьдесят му рассадных чеков.

Лошадка-лодочка для посадки рассады, смастеренная когда-то Сюэ Фэйфэном, вновь пошла в дело, вот только впряглись в нее братья Чан. Шэнь Цинжань впал в легкую задумчивость: с тех пор, как Сюэ Фэйфэн, сажая рис, носил его на спине, прошло уже полгода.

Теперь он выращивал урожай на юге Цзяннани, а Сюэ Фэйфэн вел армию на Северо-Запад, чтобы лицом к лицу встретиться с врагами из Бэйхуэя. Шэнь Цинжань по три раза на дню проверял местоположение мужа, тревожился, хватит ли ему провианта, и страстно желал, чтобы время летело быстрее.

На восьмой день посевной Шэнь Цинжань снова немного похудел.

Пока он жил на вилле «Тянься», Сюэ Фэйфэн прислал Му Вэнькоу письмо с суровой угрозой: если Шэнь Цинжань сбросит хоть один цзинь, он заберет Чан Суя на целый месяц. Му Вэнькоу, задетый за самое больное место, не поскупился и нанял отставного императорского повара, который каждый день потчевал Шэнь Цинжаня изысканными блюдами из мяса и рыбы. Но те несколько цзиней, которые он успел нагулять, стремительно растаяли, едва он взялся за изнурительную работу в поле.

Он прикинул, что дальше будет полегче: завтра он закончит с восьмьюдесятью му рассады, и тогда нужно будет как следует питаться, чтобы Сюэ Фэйфэн больше не волновался.

Армия Сюэ Фэйфэна наступала стремительно, словно ураган, усмирив весь Юго-Запад.

Императорский двор был глубоко потрясен, и среди чиновников всё явственнее зрела мысль низложить наследного принца и переметнуться на сторону победителя. Для этой своры старых сановников, лишь проедающих казенное жалование в ожидании смерти, это казалось наилучшим выходом. Сюэ Фэйфэн — законный принц императорской крови, название династии не меняется, император остается на троне. Сменив наследника, можно даровать Поднебесной мир, да еще и вернуть исконные земли предков, которые Сюэ Лифэн сдал Бэйхуэю.

Чем больше они смотрели на наследного принца, тем более некомпетентным и жалким он им казался. Сюэ Фэйфэн же в их глазах превратился в сияющую Путеводную Звезду, явившуюся спасти державу Великой Ци. Министры втайне пытались убедить старого императора, напрочь

забыв о том, как сами же когда-то отвернулись от молодого полководца.

И в конце концов даже сам император уверовал в их речи.

«Неужели небеса даровали мне столь выдающегося сына?» — думал он. Император вспомнил тот год, когда родился Третий принц. Тогда он как раз был без ума от матери Сюэ Фэйфэна и, желая порадовать любимую наложницу, даже обмолвился, что сделает его наследником престола.

Раз уж монаршее слово было сказано, то почему бы и не исполнить его.

Весь императорский двор, от государя до последнего писаря, не мог похвастаться выдающимися талантами, зато трусов, дрожащих за свою жизнь, было хоть отбавляй.

Положение Сюэ Лифэна как наследного принца пошатнулось, но он на удивление не предпринял никаких попыток удержать власть. На каждом третьем шаге смиренно опускаясь на колени, он проделал путь до покоев императора, чтобы покаяться. Бичуя себя за никчемность, он заявил, что добровольно уступает место наследника, и в тот же день вернул императорскую печать принца в кабинет государя.

— Отец-император, как гласит древняя пословица: «Когда братья едины, их сила способна расколоть металл», — Сюэ Лифэн стоял на коленях, вытянувшись в струну, словно совершенно другой человек. — Прошу Ваше Величество дозволить этому нерадивому сыну помочь третьему брату изгнать Бэйхуэй с земель Великой Ци!

— Дозволяю.

Сюэ Лифэн отобрал десять тысяч солдат императорской гвардии и выступил на Северо-Запад.

Шэнь Цинжань сидел на меже, отдыхая и проверяя бобы маша, проросшие вчера.

Раз, два, три.

Местоположение — Цанчжоу, важная военная крепость на подступах к Северо-Западу.

Он достал письмо от Сюэ Фэйфэна и с наслаждением перечитал его в очередной раз. Сбор урожая с тысячи му риса шел неравномерно: где-то быстрее, где-то медленнее. Еще несколько дней, и когда всё будет собрано и высушено на солнце, он сможет отправиться к нему.

— Духовная пища! Чан Чань, мне пора работать, читай, а я буду слушать.

Чан Чань мысленно возмутилась: «Имейте же совесть, я читаю это письмо уже в третий раз!»

— Давай же, — поторопил ее Шэнь Цинжань.

Он уже заставлял Чан Мина читать, но тот декламировал с таким излишним пафосом и переизбытком эмоций, что становилось неловко. А вот ровный, лишенный всякого выражения голос Чан Чань подходил как нельзя лучше.

— «Климат в Цанчжоу довольно сухой, в пятом лунном месяце этого года почти не было дождей. По сравнению с влажным Югом, армия быстрее привыкла к здешним местам. Тебе не стоит беспокоиться о провианте, да и о чем-либо другом тоже. Всё идет хорошо».

— Постой... — Лицо Шэнь Цинжаня внезапно изменилось. Цанчжоу, сухой климат, провиант...

Почему эти три слова, сложенные вместе, кажутся такими пугающе знакомыми?

Неужели это упоминалось в оригинальном романе?

В этой неспешной саге о ведении хозяйства длиной в два миллиона иероглифов сцен, связанных с войной, было ничтожно мало. Сюжет вращался вокруг мирного сельского быта, и единственным серьезным потрясением, о котором он знал заранее, был голод через три с половиной года.

Шэнь Цинжань мысленно обратился:

— Система, могу ли я подать заявку на то, чтобы перечитать оригинальный роман?

— Отказано. Вы уже находитесь внутри этого мира и не имеете права просматривать оригинальный текст.

Шэнь Цинжань в сердцах ударил кулаком по земле. Он смутно припоминал, что где-то на страницах книги упоминалось страшное нашествие саранчи. Он не был уверен насчет точного времени и места, но интуиция кричала ему об этом.

Это произойдет в этом году. И именно в Цанчжоу.

В его прежнем современном мире нашествия саранчи были редкостью. Тогда Шэнь Цинжаню совершенно не хотелось читать о том, как главная героиня борется с мерзкими насекомыми. Едва заведя описание в духе «затмевая небо и покрывая землю шевелящимся ковром», он покрывался мурашками и просто проматывал текст вперед.

Саранча проходит — и на земле не остается ни единой травинки.

Если запасы продовольствия Сюэ Фэйфэна окажутся как раз в зоне этого бедствия...

Шэнь Цинжань сжал кулаки и, изо всех сил стараясь говорить спокойно, спросил:

— Чан Мин, генерал пишет, чтобы я не волновался о провианте. Но откуда он его берет?

Чан Мин, который часто переписывался с Чан Баем, знал больше остальных:

— Не тревожьтесь, господин Шэнь. В Цанчжоу сажают сорго и пшеницу. По расчетам, как раз сейчас наступило время сбора урожая.

— И это всё? — сердце Шэнь Цинжаня оборвалось.

Чан Мин непонимающе почесал затылок:

— Так этого же вполне достаточно, разве нет?

Шэнь Цинжань скомандовал:

— Немедленно напиши ему письмо: берегитесь нашествия саранчи, берегите провиант, готовьтесь к худшему!

Тревога накатывала волна за волной. Летний зной становился невыносимым, усиливая нарастающую панику. Он смотрел вдаль на тяжелые, налитые колосья риса, похожие на горячие золотые волны, катящиеся к самому горизонту.

Неважно, будет саранча или нет. Он с самого начала взялся за этот изнурительный труд ради того, чтобы накормить армию Сюэ Фэйфэна. Раз уж собран богатый урожай, почему нельзя отвезти его прямо сейчас?! Несколько сотен му риса еще не убраны — эту часть он оставит местным крестьянам. А всё то, что уже высушено и засыпано в амбары, он заберет с собой.

Цанчжоу.

Саранча надвинулась на земли, затмевая солнце и небо. Гул от содрогающихся крыльев и хруст пожираемых стеблей и листьев оглушал, словно раскаты грома. Когда насекомые сжирали все посевы, они не брезговали даже соломенными крышами крестьянских хижин.

Зерновые культуры, которым оставался всего месяц до полного созревания, были подчистую уничтожены полчищами саранчи. Бедствие обрушилось внезапно, застав всех врасплох. Сюэ Фэйфэн только-только сформировал грозный отряд кавалерии, как корм для боевых коней тоже оказался под угрозой. Как бы плотно ни упаковывали сено, стоило достать охапку для кормежки, как на нее мгновенно набрасывалась сотня прожорливых тварей.

Сюэ Фэйфэн принял решительные меры, приказав экстренно перебросить провиант из других регионов.

Но именно в этот критический момент Сюэ Лифэн, на словах выступавший против захватчиков, коварно развернул коня и во главе десятитысячного отборного войска ударил в спину с правого фланга. Одновременно с этим тридцать тысяч конницы и пятьдесят тысяч пехоты Бэйхуэя начали масштабное наступление на юг.

Разразилась величайшая и самая кровопролитная битва.

Победитель становится правителем, а побежденный — обращается в прах.

Сюэ Фэйфэн и его заместитель Чжан Хуайпу разделили силы, чтобы встретить врагов на два фронта. Перед тем как броситься в пекло, Сюэ Фэйфэн лишь крепко сжал в руке горсть зеленых бобов маша.

Сюэ Лифэн окончательно обезумел, и всем остальным пришлось разделить с ним это безумие.

У Сюэ Фэйфэна отчаянно не хватало кавалерии. Используя особенности рельефа, он заманил врага вглубь своих позиций и блестящим маневром полностью уничтожил десятитысячный авангард Бэйхуэя.

Затем последовало решающее столкновение на Великой Северо-Западной равнине. Бесчисленные воины, с глазами, налитыми кровью от ярости, сражались без сна и отдыха десять дней и десять ночей. Горы трупов и реки пролитой крови устилали землю.

Чжан Хуайпу выступил против сил Сюэ Лифэна. В военном искусстве наследный принц был полным ничтожеством: он повел свои десять тысяч отборных солдат на верную смерть. Однако этой ценой он смог задержать Чжан Хуайпу на несколько дней, лишив его возможности прийти на помощь Сюэ Фэйфэну.

Сюэ Фэйфэн сошелся в смертельной схватке с главными силами Бэйхуэя. За десять с лишним лет непрерывных войн они изучили уловки и тактику друг друга вдоль и поперек. Из-за острой нехватки конницы положение Сюэ Фэйфэна было крайне невыгодным, но благодаря гениальному и безупречному построению войск он добился того, что ни один враг не ушел живым.

На рассвете четвертого дня исход битвы был предрешен.

Армия Бэйхуэя была полностью истреблена. Предатель Сюэ Лифэн взят в плен.

Но Сюэ Фэйфэн бесследно исчез.

После отчаянной битвы не на жизнь, а на смерть, несмотря на блестящую победу, остро встала проблема нехватки продовольствия. Пути подвоза провианта были подло отрезаны Сюэ Лифэном еще до начала сражения.

Главнокомандующий пропал без вести, в армии царила паника и гнетущее смятение. Как императорский двор расценит их действия теперь, когда Сюэ Фэйфэна нет? Кем их назовут — мятежниками или героями, спасшими империю? Обозы с продовольствием всё не приходили, и сколько еще они могли продержаться на истощенных землях?

Шэнь Цинжань с огромным обозом зерна и табуном боевых коней неуклонно приближался к границам Цанчжоу.

Спрыгивая с повозки, он споткнулся и едва не свернул себе шею.

— Чан Мин, меняй телеги на лошадей! Чан Суй останется сопровождать обоз, а мы с тобой и Чан Чань во главе двух тысяч всадников выступим вперед налегке!

— Мы будем на месте уже послезавтра. Не горячитесь, — Чан Мин поспешно ухватил Шэнь Цинжаня за руку, не дав ему упасть лицом в землю и разбиться до крови. Увидев изуродованное лицо своей супруги, генерал точно умрет от горя!

— С Сюэ Фэйфэном случилась беда, — лицо Шэнь Цинжаня было мертвенно-бледным, а голос дрожал и был едва слышным.

Десять дней подряд бобы прорастали не в то время. Шэнь Цинжань отчаянно пытался обманывать себя, убеждая, что Сюэ Фэйфэн просто занят долгим переходом. И хотя он прекрасно знал, что этот человек больше всего на свете боится заставить его волноваться и никогда бы не стал нарушать обещание без крайней на то необходимости, он продолжал делать вид, что всё в порядке.

Но больше притворяться он не мог.

Вот уже два дня бобы маша не прорастали вообще.

<http://bllate.org/book/17933/2103524>